

Елена Маркова

СТАРЫЕ ЛЕДИ
И УБИЙСТВО
ВО ВРЕМЯ
ЧАЕПИТИЯ

Елена Шаркова
Старые леди и убийство
во время чаепития
Серия «Старые леди
и убийства», книга 3

*<https://litres.ru/74179547>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Придуманно, написано, отредактировано и вычитано автором без применения нейросетей.

Продолжение следует. Подпишитесь на страницу автора, чтобы не пропустить выход новинок.

Третья книга в серии «Старые леди и убийства». Лучше читать по порядку, чтобы легче было следить за изменениями в жизни героев.

Действие происходит в 1935 году. Внезапная смерть жительницы британской деревни всколыхнула мирное сообщество. Молодая родственница умершей пытается убедить инспектора полиции, что произошло убийство. За тем, как идёт следствие, наблюдают гости местной аристократической семьи, две старые дамы — мисс Вордси и миссис Грэм.

Эта книжка подойдёт любителям медленного чтения. Здесь никто не бежит и не стреляет, герои очень много разговаривают, и читателю остаётся лишь искать намёки, улавливать нюансы, анализировать подробности. Типично для классического английского детектива.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	22
Глава третья	39
Глава четвёртая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Елена Шаркова

Старые леди и убийство во время чаепития

СТАРЫЕ ЛЕДИ И УБИЙСТВО ВО ВРЕМЯ ЧАЕПИТИЯ

*Безусловно, выдуманно всё, а любые
возможные совпадения — лишь
случайность. Эта стилизация
выполнялась с большой любовью к
жанру и его королеве, источнику
вдохновения для многих и многих, —*

А. К.

Мысли у меня так путаются, и мне так
печально, и столь многое приходится
оплакивать, что я не могу осознать всё
до конца.

Чарлз Диккенс. Мальшика Доррит

Глава первая

Всё стало понятно ещё за завтраком. Утро было серым, но внезапно солнце осветило столовую, и Джерелдин нахмурилась, прикрыла глаза, медленно, очень медленно отвернулась от окна — всем корпусом, чтобы не двигать шеей. Чуткая Китти, мгновенно распознав эти нехорошие приметы, с тревогой спросила:

— День «М»?

Так они называли дни, когда у Джерелдин случались приступы мигрени.

— Да, — тихо ответила Джерелдин. — И голова тяжёлая, и мыло пахло.

Китти только вздохнула — мыло они держали без запаха. Всё говорило о том, что приступ близится.

— Давно не было, — с сожалением заметила Китти, привычно понизив голос.

— Три месяца. Я уж надеялась... Но, может, я ошибаюсь... Обе знали, что в этом Джерелдин никогда не ошибалась.

— Бедная моя Динни. Что ж, сегодняшнее чаепитие отменяем, — решительно сказала Китти.

— Ни в коем случае, — так же решительно, хотя по-прежнему тихо, запротестовала Джерелдин. — Помнишь, как мы не пришли к Маклинам из-за моего приступа? Миссис Маклин тогда сказала, что мигрень — это самовнушение, а ты,

мол, постоянно потакаешь моим капризам. Капризам! Предлагаю, сколько будет разговоров, если отменить чаепитие. Все будут знать, что это из-за меня... винить меня...

— Ну что ты говоришь! Никто не будет тебя винить, Динни!

— И вообще... вы ведь специально собираетесь, дело же не в самом чаепитии. У вас важное обсуждение. Нельзя отменять.

— Что же, у тебя приступ, а я буду разливать чай и вести светскую беседу? Даже если это обсуждение важное, можно отме...

— Да я рада буду, что всё это пройдёт без меня. Китти, ты же знаешь. Эти твои гости — такая скучища. Приму таблетку и усну наверху, а вы тут делайте что хотите. Обсуждайте сколько угодно. Вот только... я же должна была помочь тебе испечь торт...

Джерелдин говорила размеренно, резких движений не делала, осторожно отщипывала кусочки от тоста и потихоньку их съедала. Китти следила за ней с одобрением: пока приступ не начался, можно успеть перекусить, потом будет не до того. А начаться он мог в любое время.

— Ладно, если ты так говоришь, чаепитие отменять не будем. Нам с ними действительно надо поговорить. О торте не думай — я испеку кекс. И лепёшек ещё можно. Ни о чём не волнуйся, всё это ерунда. Ты права — дело не в самом чаепитии.

Но Джерелдин уже волновалась. Она всегда нервничала перед любым событием, даже самым незначительным, а предстоящее чаепитие не было незначительным.

— Так неудачно, что Энни уехала именно сейчас, — пробормотала она.

— Я справлюсь, говорю же. Ланч тебе сегодня не нужен, да?

— Не нужен.

— Тогда и я обойдусь. Лучше плотно сейчас позавтракаю и займусь приготовлениями к чаепитию. Приберу немножко, а то без Энни всё у нас не на месте. Наверное, успею повозиться с цветами. Ты как? Ляжешь?

— Пойду посижу в саду.

— Сегодня прохладно, Динни, не замёрзни. Не хватало тебе ещё простудиться.

— Накину что-нибудь... Хочу на воздух. Я недолго.

Джерелдин вышла в сад и уселась на своей любимой скамейке перед недавно обновлённой альпийской горкой. Прохлада была ещё летней, и листья зеленели, и розы вовсю цвели, но чувствовалось, что скоро осень. На двух яблонях в саду яблоки уже начали краснеть. Есть их рано, жёсткие, но Энни недавно пекла с ними пирог — для пирога яблоки были в самый раз. Китти и Джерелдин всегда гордились своими скромными яблонями и ежегодным ранним урожаем. В дальнем углу сада росла ещё и слива, но дерево было некрупное, с кривым стволом, плодов давало немного, а вот яблонь

ни ни разу не подводили. Всё-таки приятно есть яблоки из собственного сада.

Август, вяло думала Джерелдин, в августе всегда немножко грустно, и ждёшь осень, и жаль уходящего лета, и вон уже сколько плодов на шиповнике... Китти любит варить из них джем... такие оранжевые... нет, скорее цвета ржавчины... нет, красно-оранжевые... или оранжево-красные... как же определить этот цвет...

Глаза закрылись, Джерелдин сидела в полудрёме, не шевелясь, и постепенно успокоилась, но мысль о приступе не давала расслабиться по-настоящему.

Она помаялась, потеряв счёт времени, и вернулась в дом. Заглянула в гостиную, откуда Китти её прогнала, потому что начала уборку, потом поднялась к себе в спальню, зашторила окно и легла на кровать, не раздеваясь. Радио и книги исключались (да она и без того редко слушала радио), можно было только лежать под пледом и ждать. Таблетки доктора Престона обычно помогали, но от обезболивающих Джерелдин и раньше проваливалась в обморочный сон, а от этих новых таблеток сон был особенно нездоровым, так что она всегда старалась принимать их как можно ближе к вечеру. Но чем сильнее болела голова, тем раньше наступала необходимость принять спасительное лекарство.

Джерелдин лежала, вытянувшись под пледом во весь свой

немаленький рост, пыталась о чём-то думать, мысли путались, в голову постоянно лезло это несчастное чаепитие, затеянное Китти. Придут гости, будут вести неинтересные разговоры. Предполагалось, все соберутся, чтобы обсудить важную тему — как отпраздновать приближающееся шестидесятилетие викария. Преподобного Грегсона Джерелдин любила и соглашалась, что сюрприз для него надо продумать заранее, но не верила, будто компания, которую ждала Китти, сможет что-нибудь решить. Скорее всего, гости, особенно женщины, начнут болтать и просто сплетничать, как всегда бывает во время любого чаепития. Разве что Китти возьмёт всё в свои руки и станет руководить обсуждением. Да, Китти не станет терять время на сплетни. Может быть, в этом случае они и придут к какому-нибудь решению. Иначе придётся собираться опять, а время идёт, и день рождения преподобного всё ближе.

Но смогут ли они собраться опять?

Гости... Для Джерелдин они все были чужими людьми, очень скучными, как она и сказала, но Китти относилась к ним по-доброму и даже по-дружески, потому что «с соседями лучше жить в мире». И потому, что Китти вообще добрая.

Будь на то воля Джерелдин, она ни с кем не общалась бы, никакой мир с соседями не был ей нужен, она не чувствовала необходимости в друзьях, особенно после той истории с Эгнес... но ради Китти приходилось улыбаться несмешным

шуткам, слушать нудные рассуждения и отвечать на дурацкие вопросы.

Не то чтобы Джерелдин не любила этих людей. Скорее, они её изматывали. Она всегда уставала от чужих пустых разговоров (а ведь все разговоры всегда пустые) и необходимости что-то говорить самой. Всю жизнь Джерелдин хотела только одного: остаться наедине с собой, неважно где — в спальне, в саду, в лесу, главное — чтобы никто не мешал, не трогал, ни о чём не спрашивал. Читать книжки, размышлять над ними, рисовать, гулять, любоваться природой — это ведь гораздо лучше, чем участвовать в шумных сборищах. Гораздо лучше. Даже и сравнивать нечего.

Оставьте меня в покое — вот что на самом деле ей хотелось бы сказать соседям.

Только Китти никогда ей не мешала. Рядом с Китти Джерелдин чувствовала, что она всё равно что наедине с собой. Но Китти — это Китти.

Особенно Джерелдин утомляли супруги Маклин. Миссис Маклин, крёстная Китти и подруга её покойной матери, считала своим долгом «поддерживать бедных девочек материнскими советами». Что-то такое она однажды сказала много лет назад, Джерелдин, тогда ещё совсем юная, вспылила, выкрикнула, что материнский совет может дать только мать, и Китти пришлось улаживать конфликт. После этого миссис Маклин, хотя и продолжала лезть с непрошеными предложениями, но по крайней мере больше не изображала, что за-

меняет «бедным девочкам» мать.

Полковника Маклина Джерелдин недолюбливала не только потому, что он был супругом миссис Маклин, но и из-за его противной привычки рассказывать одни и те же военные истории и многословно рассуждать о политике. Ну зачем Джерелдин знать о том, что случилось в их полку сто лет назад? Или о морском соглашении двухмесячной давности? А полковник всерьёз полагал — это интересно всем вокруг, даже молодым леди. О морском соглашении бубнил постоянно, начиная с июня, без конца объяснял, почему Великобритании не надо было его подписывать.

Но в остальном полковник был безвредным стариком, очень вежливым и спокойным, и уж точно не досаждал никому бессмысленными советами. Только историями о далёком прошлом и политическом настоящем, но ведь всегда можно притвориться, что слушаешь, и думать о своём. Джерелдин часто делала так, и не только в разговорах с полковником.

Ещё на чаепитие должна была прийти Флоренс Бродбери, подруга детства Китти. Приятная молодая женщина, только слишком восторженная. Такая оптимистка, всегда всему радуется и от остальных ждёт того же. Но к этому Джерелдин давно привыкла, как и к тому, что Флоренс всем рассказывает о своём имени — её называли в честь мисс Найтингейл. Почему-то она очень этим гордилась.

Джерелдин воспринимала Флоренс почти как члена семьи — не такого родного, как Китти, разумеется, но достаточ-

но близкого, чтобы закрывать глаза на мелкие недостатки. В конце концов, с Флоренс можно было не церемониться, она знала, что Джерелдин любит тишину и одиночество, и не приставала с беседами. Ну... или не слишком часто приставала.

Хотя в последнее время Флоренс стала делать это чаще. С тех пор, как они с мистером Драйнером, местным аптекарем, объявили о помолвке, мисс Бродбери полюбила заводить разговоры о том, что девушкам надо искать своего суженого. Всем девушкам, выразительно произносила она и многозначительно смотрела на Китти и Джерелдин. Вот тут Джерелдин еле сдерживалась от демонстративного закатывания глаз, а Китти лишь улыбалась.

Сегодня на чаепитие должна прийти ещё какая-то женщина... кто же? Джерелдин беспокойно зашевелилась под пледом, вспоминая. Ах, да. Конечно. София Кларк. Вездесущая мисс Кларк из женского комитета. Она напросилась к ним в компанию, чтобы принять участие в обсуждении. Якобы её тоже очень волнует празднование шестидесятилетия викария. На самом деле, Джерелдин была абсолютно уверена, мисс Кларк волновал вовсе не викарий, а доктор Престон. И его отношение к Китти. Мисс Кларк хотела проследить за ними и заодно самой пообщаться с доктором в неформальной обстановке.

Все эти уловки так смешны. И сама мисс Кларк смешна — с тонкой шеей и глазами навывкате, делавшими её похожей

на страуса, с речью скороговоркой и неутолимым любопытством, которое она пыталась маскировать заботами о делах женского комитета. Вместе с тем Джерелдин было её немного жаль — все знали, что мисс Кларк мечтает выйти замуж, причём за кого угодно, только бы вырваться из-под жёсткой опеки деспотичной матери.

А доктор Престон и вправду был приглашён на чаепитие, равно как и мистер Рокниш, местный ветеринар. Они оба по счастливой (или несчастливой, тут уж с какой стороны посмотреть) случайности появились в деревне Ларч-Бридж почти одновременно — полтора года назад. У обоих практика началась удачно, они быстро обросли клиентурой, а теперь ещё обслуживали и владельцев Замка.

Полуразрушенный замок Ларч-Бридж, который когда-то дал название деревне и который сейчас все местные именовали просто Замком (именно так, с уважительной большой буквы), недавно получил новых владельцев. Лорд и леди Вудвилл, унаследовавшие его от старого хозяина, приехали ненадолго — осмотреться, но вот уже несколько месяцев безвылазно жили в своей крепости и вызывали жгучий интерес обывателей. Все хотели понять, что будет с Замком, вдруг продадут каким-нибудь иностранцам, которые превратят его в новомодный отель. Местные жители никак не могли решить, хорошо это было бы для деревни или ужасно, и вечно спорили, пытаясь выработать единое мнение, но пока ни к чему не пришли. Слуги лорда и леди Вудвилл болта-

ли мало, да и сами вряд ли знали о планах хозяев. Доктор и ветеринар, возможно, могли бы что-то рассказать о жизни в Замке, но, следуя профессиональной этике, сохраняли интригу и молчали.

Впрочем, они волновали местных жителей, вернее, жительниц, больше, чем обитатели Замка. Сразу двое холостых мужчин произвели среди незамужних женщин настоящий фурор. Среди замужних тоже. Пациентки доктора Престона иной раз придумывали себе недуги, чтобы иметь возможность лишний раз протянуть ему дрожащую руку для проверки пульса. А одна поклонница мистера Рокниша, как рассказывала Энни, специально завела маленькую собачку и теперь регулярно являлась с ней на ветеринарный осмотр, жалуюсь, что псинка плохо ест и часто грустит. Энни уверяла, что на самом деле у собачки отменный аппетит и очень весёлый нрав.

Китти, слушая служанку, смеялась над этими историями и не верила в них. Ей казалось — уж так низко женщины, даже незамужние, пасть не могут. Особенно смешно ей было из-за того, что в действительности оба джентльмена интересовались не этими глупыми женщинами, а именно ею, Китти. Джерелдин тоже посмеивалась, но скорее верила в рассказы Энни, которая не имела привычки привирать и всегда была в курсе свежих сплетен.

При этом Джерелдин не понимала, что такого особенного можно увидеть в докторе Престоне и мистере Рокнише. Они

представлялись ей обычными джентльменами средних лет, не слишком привлекательными и уж точно не красавцами. Приятные? Пожалуй. Остроумные? Иногда. Симпатичные? Ну... в каком-то смысле. Хотя доктору Престону не мешало бы сбросить фунтов пятнадцать, а мистеру Рокнишу вырасти дюймов на пять, в целом они оба были нормальными мужчинами. Слишком нормальными, думала Джерелдин. И слишком старыми. Им ближе к сорока! Нет, она не смогла бы влюбиться ни в одного, ни в другого.

Она вообще ни разу в жизни ни в кого не влюблялась. Китти говорила, что когда-нибудь это непременно произойдёт, и Джерелдин тогда мгновенно всё поймёт, с первого взгляда.

— Что, фанфары затрубят? — иронически спрашивала Джерелдин.

— Может, и фанфары, — смеялась Китти.

Джерелдин представляла себе, как она входит в какую-то гостиную, видит какого-то джентльмена, громко звучат фанфары... и тоже смеялась.

— Тебе надо только выпорхнуть из кокона! — говорила Китти.

Но Джерелдин прекрасно сознавала, что любит свой кокон и не собирается из него выпархивать.

Её полностью устраивала жизнь в коконе.

Джерелдин вернулась к мыслям о совещании, ради которого устроено чаепитие. Неужели эти люди всё-таки смогут договориться? У них были слишком разные идеи. Несколько

дней назад вся компания уже собиралась на обсуждение — у супругов Маклин, и беседа не привела к конкретному решению. Наоборот — чуть не перессорились. Джерелдин там тоже была и хорошо помнила, как трудно проходил разговор.

Доктор Престон предложил купить викарию новое роскошное издание королевской версии Библии. Остальные согласились, что это красиво, однако дороговато. Потянет ли приход такой подарок?

Мисс Кларк принялась убеждать присутствовавших, что приход-то потянет, но нельзя упираться в профессиональные, так сказать, обязанности преподобного Грегсона. София предлагала подарить ему и его жене поездку в Бат. Этот вариант всех смутил. Такой подарок от паствы казался странным, слишком личным.

Как и тот, о котором размечтался мистер Рокниш, — щенок скотч-терьера. У Грегсонов недавно умерла собака, и мистер Рокниш утверждал, что всегда в таких случаях советует своим клиентам не ждать слишком долго и заводить нового питомца сразу после потери. Это, мол, не даёт людям горевать, они переключаются на новые заботы.

Джерелдин с Китти до сих пор не завели другую кошку, а ведь сколько времени прошло после Флаффи! Поэтому предложение мистера Рокниша показалось Джерелдин диким. Она так и сказала тогда. Мистер Рокниш, конечно, ветеринар и лучше знает... или не знает. Допустим, кому-то из его клиентов и правда стало легче после приобретения ново-

го питомца, но ведь не может такой совет быть универсальным.

Китти тоже не согласилась с мистером Рокнишем, однако по иной причине — она считала, что сюрприз не должен оказаться неприятным. Откуда они знают, обрадуются ли Грегсоны щенку? А если они решили больше не заводить домашних животных? Вдруг им здоровье не позволяет? Ведь со щенками столько хлопот!

Как ни странно, доктор Престон встал на сторону ветеринара, пусть и нехотя. Пробормотал, что со здоровьем у них всё в порядке. И полковник Маклин с энтузиазмом начал доказывать, что собака — прекрасный подарок для пожилых людей, они будут гулять, много ходить пешком, а это в их возрасте полезно. Да и потом, мистер Рокниш может деликатно выведать у преподобного, хотят ли они с женой снова завести собаку.

Но миссис Маклин сказала — Китти совершенно права, нельзя навязывать людям животное, а мисс Кларк подхватила, что гулять в Бате гораздо полезнее, а мистер Рокниш возразил: дарить поездку — это тоже навязывание, а доктор Престон опять заговорил о Библии... и в конце концов им пришлось перенести обсуждение, чтобы дело и впрямь не кончилось ссорой.

Эти беспорядочные мысли о сегодняшних гостях букваль-

но изнурили Джерелдин, к тому же под пледом стало жарко, и она с осторожностью встала. Всё-таки пора было принимать лекарство, но сначала надо посмотреть, как там Китти.

Джерелдин медленно спустилась и прошла по дому. Осмотрела накрытый стол, зашла в кухню, где пахло выпечкой, взглянула в окно и увидела, что Китти возится в саду. Перед тем, как выйти из кухни, Джерелдин огляделась. Что ещё можно сделать — кроме того, что сделано? Всё было полностью готово к чаепитию, её вмешательства не требовалось, и Джерелдин, как всегда в день «М», ощутила вину и тревогу.

Она вышла в сад. Китти, срезавшая хризантемы, подняла голову и внимательно посмотрела ей в лицо.

— Началось, да?

— Да.

— Когда будешь пить таблетку?

— Прямо сейчас.

— Что, так плохо?

— Да... нехорошо. Я сразу лягу, ладно? Ничего? Извинись за меня перед всеми?

— Конечно. Ложись, Динни, дорогая. А я букет составлю и немножко отдохну, ещё есть время.

Опять выглянуло солнце и осветило тонкую фигурку Китти. В руках у неё были садовые ножницы и несколько розовых хризантем, волосы растрепались, она сочувственно улыбалась, глядя на Джерелдин, и выглядела очень красивой.

Нет, не выглядела, а действительно была красивой.

Потом Джерелдин часто вспоминала этот момент.

— Пока, Китти, я пошла, — сказала она, повернулась и отправилась в дом.

Таблетка, как обычно бывало, подействовала быстро, и Джерелдин провалилась в тяжёлый сон без сновидений. Она спала так крепко, что когда в дверь её спальни стали стучать, не сразу это услышала, а потом не сразу поняла, что происходит. Кто-то выкрикивал её имя за дверью.

— Мисс Хорнби, с вами всё в порядке? Можно войти?

— Джерелдин, Джерелдин!

— Мисс Хорнби, мы можем войти?

Наконец они вошли без разрешения. Джерелдин и не могла им его дать — она с трудом открыла глаза и даже не была уверена, что всё это ей не снится. В её спальне полно людей, они включили свет, стало ярко и неприятно, и всё это казалось какой-то галлюцинацией. Невозможно же, чтобы в спальне были чужие! В её спальне! Она села в постели. Мистер Маклин, миссис Маклин, доктор Престон, Флоренс... и все громко, ужасно громко говорят.

— Мисс Хорнби, вы в порядке?

Она разлепила сухие губы и прохрипела:

— Я... да. Я после лекарства... спала... мигрень... Что... что?

— Мисс Хорнби, ваша тётя... Ваша тётя Кэтрин...

Мистер Маклин, бравый военный, всегда такой уверен-

ный в себе, запинался и не мог подобрать слова. Джерелдин смотрела на него, глаза у неё сами закрывались, и приходилось делать усилие, чтобы опять их открыть. В какой-то момент ей показалось, что если зарыться под одеяло, всё пройдёт, свет погаснет, они все исчезнут.

Но никто не исчез. Флоренс, плача, села к ней на постель и взяла за руку.

— О Джерелдин, Джерелдин, — воскликнула она, вся трясась и давясь слезами, — Кэти мертва! Кэти мертва!

Глава вторая

По-настоящему Джерелдин проснулась лишь ночью. Её словно толкнули, и сон мгновенно ушёл. Она не чувствовала себя выспавшейся, но разум уже начал работу. Она поняла, что лежит под одеялом в собственной спальне, сквозь щёлку между плотными шторами пробивается лунный свет, голова не болит, а Китти больше нет. Не случилось плавного перехода от сна к реальности — Джерелдин сразу вспомнила: Китти больше нет.

Думать об этом было невозможно, но в голову настойчиво лезли обрывки прошлого вечера. Рыдающая Флоренс. Растерянные супруги Маклин — пожалуй, Джерелдин никогда раньше не видела миссис Маклин растерянной. Испуганная София Кларк. Всё это Джерелдин помнила буквально какими-то кусками. Доктор Престон, объясняющий всем, что она находится под воздействием сильнейшего обезболивающего. Констебль Стоун и незнакомые люди — видимо, тоже из полиции. Кто-то из них пытается с ней поговорить, но доктор Престон не позволяет. Укол — вот почему она так долго спала, доктор Престон делает ей укол. Кто-то говорит: «Здесь леди Вудвилл», и она успевает подумать — при чём здесь леди Вудвилл, кто-то гасит свет, кто-то закрывает дверь... а дальше ничего, только глубокий сон, отрезавший её от всего и от всех.

Джерелдин пошевелилась под одеялом. Она подумала — я дышу, открываю глаза, чувствую своё тело. А Китти умерла. Что делать дальше, когда она и жила-то только благодаря Китти? Можно ли вообще справиться с такой потерей?

Она повернула голову и увидела, что в кресле у окна сидит человек. В темноте было непонятно, кто там, но Джерелдин решила — это Флоренс. Видимо, сидела, сторожила всю ночь. Бедняжка.

— Флоренс, — прошептала она, но вышел не шёпот, а хрип.

Фигура в кресле выпрямилась, и раздался женский голос — приятный, мелодичный, но чужой.

— Это не Флоренс, мисс Хорнби. Это я — Роуз Вудвилл. Леди Вудвилл.

Джерелдин инстинктивно села в постели.

— Леди Вудвилл!

Они не были знакомы: владельцы Замка редко появлялись в деревне. Поэтому, автоматически повинаясь этикету, Джерелдин проговорила светским тоном:

— Как поживаете?

Это вышло так неловко и странно, но ведь вся ситуация была неловкой и странной. И всё же Джерелдин почувствовала себя ужасно глупой.

— Как поживаете? — мягко ответила леди Вудвилл.

— Но почему... что... — забормотала Джерелдин, сбившись со своего дурацкого светского тона.

— Сейчас всё объясню, но прежде скажите, мисс Хорнби, как вы себя чувствуете? Вы вполне проснулись? Вы помните... э-э...

Джерелдин откашлялась.

— Да, я помню. Китти... её нет. Но только это. Что случилось? И почему вы здесь? Нет-нет, я не имею в виду... я не против... но что вообще происходит?

Она включила лампу на тумбочке, заморгала, помотала головой и уставилась на сидящую в кресле женщину.

Леди Вудвилл оказалась маленькой, хрупкой, седой старушкой. Она стащила с себя плед, которым была укрыта, расправила ноги, вытянула руки — видимо, от вынужденной позы все конечности у неё затекли. Потом леди Вудвилл посмотрела Джерелдин в лицо — дружелюбно и серьёзно одновременно.

— Простите за вторжение в вашу спальню, мисс Хорнби. Но кто-то должен был остаться здесь, чтобы быть с вами, когда вы проснётесь, и объяснить, что происходит.

— Флоренс...

— Она в ужасном состоянии от горя, доктор Престон отправил её домой. А мне о случившемся рассказала служанка, которая слышала об этом от жены констебля, когда та пришла в пекарню. Здесь, в деревне, новости распространяются интересным способом.

— Да... у нас тут так всегда.

Джерелдин произнесла это машинально и будто слыша-

ла со стороны свой почти спокойный голос. Ей казалось, что всего этого просто не может быть — она сидит в постели, в пижаме, а рядом в кресле хозяйка Замка рассуждает о деревенских обычаях. И так неудобно быть в ночной одежде перед знатной дамой. Вот глупость, мысленно одёрнула она сама себя, что значит — знатная дама, сейчас ведь тридцать пятый год двадцатого века, не Средневековье же.

И всё-таки хорошо, что пижама новая и выглядит прилично.

Боже, о чём она думает! Ведь Китти умерла!

Леди Вудвилл явно заметила, как Джерелдин сжала в руке край одеяла.

— Мисс Хорнби...

— Джерелдин. Вы можете называть меня Джерелдин, леди Вудвилл.

— Хорошо, Джерелдин, дорогая, с радостью. У меня внуки примерно вашего возраста. Вы так юны.

Она не была юна, но привыкла к тому, что из-за кукольного личика все считали её чуть ли не ребёнком. Даже несмотря на высокий рост. И ей это даже нравилось.

— Так вот, — продолжала гостя, — когда я узнала, что случилось, сразу решила приехать — вдруг нужна помощь. И она была нужна.

— Леди Вудвилл... как умерла Китти?

— О, дорогая, мужайтесь. Она была отравлена.

Джерелдин судорожно вздохнула.

— Как это? Что вы имеете в виду? Что значит — отравлена? Китти не собиралась подавать к столу ничего такого... никаких консервов или там... Ботулизм, да? Она всегда боялась ботулизма.

— Цианид, Джерелдин. Это был цианид. Так сказал доктор Престон, и полицейский врач подтвердил, что очень похоже на то. Конечно, вскрытие покажет точно... О, простите, простите!

Джерелдин откинулась на подушку и прикрыла глаза. Вскрытие. Китти. Её Китти. С хризантемами в руках. Улыбающаяся. Красавица.

Нет, она не хотела об этом думать.

— Но как именно? — Джерелдин снова села в постели. — Они должны были пить чай. Мы пригласили всех на чай, понимаете. Китти хотела испечь кекс и лепёшки. Насчёт лепёшек она была не уверена. Но, допустим, чай и кекс. Каким же образом? Где был цианид?

— Вот этого я не знаю. Боже, здесь такое творилось, было не до расспросов. Я хотела поговорить с констеблем, но не при всех же. Однако кое-что стало понятно. Ваша тётя... Кэтрин ведь была вашей тётей, да?

— Да, — сглотнув, прошептала Джерелдин. — Но она мне как сестра... была как сестра.

— Когда пришли гости, ваша тётя Кэтрин захотела показать им что-то в саду. Прямо во время чаепития. И все вышли в сад. Насколько я поняла, они не держались группой,

кто-то вернулся в дом, чтобы посетить ванную комнату, кто-то ходил по саду. Все как-то разбродилось. А ваша тётя Кэтрин потом зашла в дом, в гостиную, и что-то съела. Или выпила. Не знаю. Вроде бы доктор Престон застал её ещё живой.

— Доктор Престон?

— Кажется, да.

— А мистер... мистер Рокниш? Я его не заметила.

— Мистера Рокниша не было.

— Как не было? Мы его ждали. Он был приглашён.

— Во всяком случае, я его не видела, — пожала плечами леди Вудвилл. — Но, Джерелдин, дитя моё... Ситуация вот такая. В доме прошёл обыск.

— Обыск? — Джерелдин мгновенно поняла, зачем его проводили. — Искали цианид? Его и искать не надо. Я сама сказала бы, где он. Мы держим его в саду, в сарае. Это же средство от ос. Прошлым летом всех в деревне замучили осы, в каждом доме был цианид. И сейчас наверняка у всех есть. Уверена, что и ваш садовник... Да, но искали именно у нас... они подозревают — это я убила Китти?

Она горько усмехнулась краем рта.

— Почему обязательно кто-то должен был убить Кэтрин? Возможно, она сама...

— Нет, — твёрдо сказала Джерелдин. — Никогда не поверю. Китти была жизнерадостным человеком с чувством юмора, со здравым смыслом. И сотворить с собой такое, да ещё когда в доме полно гостей... И когда у меня мигрень...

Леди Вудвилл, она заботилась обо мне с моего детства, она ни за что не оставила бы меня одну. А ведь я теперь одна! Совсем одна!

Джерелдин уткнулась головой в колени, потом взяла себя в руки, выпрямилась, но губы дрожали.

— Понимаю, дитя моё, — сочувственно сказала леди Вудвилл.

— Нет, она не смогла бы. Не смогла бы. Её убили! Но кто, кто?

— Вы считаете, совершенно исключено...

— Абсолютно! Только не Китти! Её убили, леди Вудвилл.

Две женщины, молодая и старая, взволнованно смотрели друг на друга.

— Я хочу поговорить с полицией, — наконец заявила Джерелдин.

— Уверяю, полиция хочет того же. Доктор Престон запретил им трогать вас, пока вы были под действием какого-то лекарства.

— Это сильное обезболивающее, доктор прописал мне его от моих приступов мигрени.

— Да, он что-то такое объяснял. Но сегодня они точно с вами побеседуют. Однако... Ситуация сложнее, чем вы думаете. В вашем доме дежурит полицейский.

— Что? — Джерелдин не могла поверить в то, что слышит. — Здесь полицейский? Вы имеете в виду — констебль Стоун?

— Нет, какой-то молодой полицейский из Кромфилда. Оттуда целая бригада приезжала.

— Они меня сторожат? Боятся, что я сбегу?

— Скорее, они сторожат возможные улики. Считают, что не закончили с обыском. И вот ещё почему я здесь, мисс Хорнби... Джерелдин... Они разрешили мне остаться с вами, чтобы я увезла вас, когда вы проснётесь. Им нужен весь дом. Вы не сможете пока ничем пользоваться, да и вряд ли вам стоит сейчас находиться там, где ваша тётя так трагически ушла из жизни... вы понимаете...

— Понимаю, — пробормотала Джерелдин.

— Поэтому предлагаю поехать к нам в замок. Мы будем рады, если вы побудете у нас первое время, самое тяжёлое. Комната для вас уже готова. У нас гостят две старые леди — моя школьная подруга и её сестра, они только вчера приехали. Очень милые, деликатные женщины, не будут вам надоедать. И никто не будет. Ни лорд Вудвилл, ни наша племянница, ни я.

В деревне было известно, что в Замке кроме хозяев живёт их молодая родственница. Но сейчас Джерелдин это не интересовало. Она озадаченно смотрела на леди Вудвилл.

— Мне кажется, я всё ещё сплю, — недоверчиво сказала она. — Какое-то чувство нереальности. Будто всё не со мной происходит. Видите, я даже не плачу. Не могу поверить... понимаю, что Китти... и в то же время не понимаю.

— Это шок, дитя моё, — объяснила леди Вудвилл, — са-

мый настоящий шок. Сейчас мы поедем в замок, там вы обязательно что-нибудь съедите, подкрепитесь, выпьете горячего чаю с сахаром, а потом ещё поспите, если получится. Вам надо прийти в себя, не правда ли?

Джерелдин растерялась. Ехать в Замок, жить там среди незнакомых людей... Хотя леди Вудвилл кажется очень приятной женщиной, но ведь там ещё лорд Вудвилл, племянница, школьная подруга с сестрой... и слуги... столько народу... а ей всегда нелегко было сходиться с новыми людьми. Знакомиться, запоминать лица и имена. С первого раза запомнить имя так трудно.

С другой стороны, а какие есть ещё варианты, если нельзя оставаться дома? Попроситься к Флоренс и её матери? Сейчас, ночью? Разумеется, это неприлично. Да и будет ли ей там хорошо? Джерелдин представила себе, как Флоренс постоянно плачет рядом. И дом у них не сказать чтобы большой, вряд ли получится остаться одной. В Замке такая возможность скорее представится.

— Леди Вудвилл, вы упомянули — комната для меня уже готова. Но как вы узнали заранее, что она понадобится?

— Никак, я только здесь поняла, что надо забрать вас к себе. Тогда и отправила Уилсона назад, он передал мои распоряжения и вернулся сюда.

— Уилсона?

— Это шофёр.

— Шофёр? Он тоже здесь? — изумилась Джерелдин.

— Да, дремлет рядом с полицейским.

— Бедный! Как неловко... Что ж. Спасибо за приглашение, леди Вудвилл, я согласна, — решила Джерелдин.

— Вот и хорошо, дитя моё!

Леди Вудвилл деликатно вышла из комнаты, а Джерелдин начала собираться. Всё-таки лекарство ещё действовало, и движения были замедленными. Она понимала — её ждут, надо поторопиться, но никак не могла сообразить, что же взять с собой, как одеться, с чего вообще начать. Какую одежду прилично взять в Замок? Что там подумают, если она оденется неподобающим образом? Да что это с ней, какая ерунда, об этом ли надо размышлять, когда Китти нет...

В шкафу оказалась небольшая дорожная сумка, и это определило количество вещей, которые Джерелдин принялась упаковывать. Не за чемоданом же идти. Да и вообще — она ведь переселяется в Замок лишь на время? На короткое время? Но зубная щётка точно нужна, и крем для рук, и свитер, нет, два свитера, и альбом, и туба для карандашей, да, карандаши — обязательно...

Наконец Джерелдин вышла в коридор. Там действительно ждали — тот самый Уилсон, мрачный и сонный, взял у неё сумку, а леди Вудвилл мягко произнесла:

— Пора, дитя моё.

Лицо Уилсона было девушке знакомо — он регулярно бы-

вал в деревне.

У входа в гостиную сидел полицейский, тоже мрачный и сонный, но Джерелдин не хотела смотреть в сторону гостинной, она поздоровалась с полицейским, почти не глядя на него, и устремилась к выходу вслед за леди Вудвилл. Они вышли в ночную прохладу, и Джерелдин услышала, как за её спиной закрывается дверь. Дверь их с Китти коттеджа. Почему она должна бежать из родного дома, да ещё ночью?

Но шофёр уже завёл мотор, и Джерелдин покорно пошла к машине, будто влекомая какой-то внешней силой.

Они ехали по тёмной деревне, леди Вудвилл молчала, Джерелдин куталась в кардиган, и странные мысли приходили ей в голову — разбудил ли кого-нибудь шум мотора, спит ли сейчас Флоренс, входит ли в обязанности шофёра возить хозяев по ночам... сквозь эти мысли пробивалось, кричало, пылало имя Китти, Джерелдин жмурилась, стараясь не застонать, и вся поездка казалась ей некой сюрреалистической пьесой.

Ехать было недолго, впереди уже ярко горели фонари у ворот замка, освещая заросший орешником ров и узкий мост. Считалось, мост в старину (прежний, подъёмный) был из лиственницы, что дало название и Замку, и деревне — Ларч-Бридж. Хотя вряд ли феодалы назвали свою крепость в честь моста, подумала Джерелдин и тут же устыдилась этой мысли, такой праздной и неуместной.

Между тем машина остановилась перед рвом.

— Дорогая, здесь придётся пройти пешком, — сказала леди Вудвилл.

— Сумка, — пискнула Джерелдин.

— Уилсон принесёт, — отмахнулась леди Вудвилл.

Быстрым шагом женщины прошли по мосту и через открытые ворота попали в освещённый двор. Джерелдин было зябко, ей хотелось скорее оказаться под крышей, но она машинально вертела головой, осматривая стены и башенки наверху. Как часто они с Китти мечтали побывать в Замке, увидеть все его красоты. И вот Джерелдин здесь, а Китти... а Китти никогда...

Джерелдин дышала ртом, пытаясь успокоиться. Не хватало ещё заплакать.

— Добро пожаловать в замок Ларч-Бридж, дорогая, — сказала леди Вудвилл, тактично делая вид, что не замечает её состояния.

Когда Джерелдин раньше думала о Замке, она представляла себе огромные пространства, тонущие в полумраке и освещаемые свечами в канделябрах. Оказалось, однако, что здесь провели электричество. А вот размеры и впрямь поражали. Вообще-то по сравнению с другими подобными сооружениями, разбросанными по всей Британии, Ларч-Бридж мог считаться маленьким замком, но каждое помещение в нём было в разы больше соответствующих комнат в любом деревенском доме. Включая коттедж Джерелдин и Китти.

В огромном холле приехавших встретил элегантный

невозмутимый дворецкий, впрочем, явно такой же сонный, как шофёр, и они прошептались в столовую мимо двух комплектов рыцарских доспехов.

— Они настоящие? — успела спросить Джерелдин.

— Да. Не люблю их. Хочу убрать, но лорд Вудвилл не разрешает. Говорит, они придают достоверности. А мне кажется, здесь и так всё весьма достоверно.

Леди Вудвилл была права: даже при электрическом освещении Замок выглядел средневековым жилищем феодала — каковым и был в своё время. Они вошли в столовую, которая просто подавляла размерами, высотой витражных окон и длиной стола.

Всё это казалось нереальным.

— Леди Вудвилл, я не голодна, — пролепетала Джерелдин.

— Дитя моё, вам необходима горячая пища. Тем более что вы вся дрожите! Замёрзли в дороге? Да, ночи уже холодные, скоро осень... Считайте, у нас будет поздний ужин. Очень поздний. Все спят, я велела нас не ждать, так что мы поужинаем вдвоём, а познакомитесь со всеми уже завтра.

«Все спят». Но ведь и шофёр, и дворецкий не спали, и в кухне кто-то бодрствует. Получается, этих людей хозяйка замка в расчёт не брала. Жилище феодала остаётся жилищем феодала... Впрочем, в деревне говорят, слугам здесь хорошо платят. Да и какое мне дело, равнодушно подумала Джерелдин.

Она и вправду сильно, до дрожи, озябла. В столовой горел камин, но он до конца не согревал просторное помещение. Так что когда появились мясной пирог и бульон с гренками, всё горячее и ароматное, Джерелдин съела предложенное. Она приступала к еде нехотя, смущаясь из-за присутствия дворецкого и мыслей о том, всё ли делает как надо, нет ли за этим столом каких-нибудь особых правил, но потом, к её изумлению, аппетит разгорелся. Оказалось, она была голодна, просто не понимала этого. После леди Вудвилл настояла на сладком чае, и Джерелдин выпила чашку.

Сама леди Вудвилл ела мало. Джерелдин присмотрелась украдкой: лицо старой женщины осунулось, складки у рта стали резче, взгляд потух. Она очевидно устала. Да и было с чего — в её возрасте полночи просидела в спальне у чужого человека!

Джерелдин подумала — уж не слишком ли она задержалась за поздним ужином? Хозяйка может решить, что она плохо воспитана.

— Леди Вудвилл, мне действительно полегчало после еды, и я согрелась. Но лекарство всё ещё действует. Боюсь, надо лечь. Могу ли я попросить... кого-нибудь... показать мне мою комнату?

— Я сама провожу вас, дитя моё, — с явным облегчением сказала леди Вудвилл.

Они вышли в холл и по роскошной широкой лестнице поднялись на второй этаж.

— Я попросила подготовить для вас жёлтую комнату.

Это был самый нелюбимый цвет Джерелдин, и она тихонько вздохнула. Но выбирать не приходилось.

Комната оказалась большой, с кроватью под настоящим балдахином, шкафом, креслом и столиком с зеркалом и письменными принадлежностями. Жёлтыми были шторы и пушистый ковёр на полу. Возле кровати стояла сумка — послушный Уилсон побеспокоился. Камин был растоплен, и комната уже нагрелась.

— Мне будет здесь очень удобно, — искренне сказала Джерелдин. — Не знаю, как выразить благодарность, леди Вудвилл.

— Я рада помочь. При обычных обстоятельствах утром вам принесли бы чай, но я велела не будить вас завтра. Вам необходимо выспаться, дитя моё. Будьте как дома. Постарайтесь уснуть, вам нужен отдых. И... мне так жаль, что всё это случилось. Так жаль.

— Спасибо, — прошептала Джерелдин.

— Ах да! — воскликнула леди Вудвилл, уже повернувшись было к двери. — Если вдруг не сможете сразу уснуть и захотите прогуляться по замку, не ходите в другое крыло. Там опасно — крыша полуразрушена, сверху постоянно что-то падает. И очень неудобно, когда дождь. Дело в том, что мы ещё не решили, стоит ли вкладываться в ремонт. Но привидений можно не бояться, их здесь нет. Что весьма огорчает лорда Вудвилла, он говорит — отсутствие привидений

понижает стоимость недвижимости. А я, наоборот, рада. Не хотела бы столкнуться с каким-нибудь призраком. Замок и так слишком мрачен, не правда ли?

— Д-да... То есть нет, конечно, нет... Я не буду гулять по Замку, я прямо сейчас лягу, — ошарашенно пробормотала Джерелдин.

— Спокойной ночи, дитя моё. Надеюсь, вам удастся поспать.

Леди Вудвилл ушла, и Джерелдин наконец осталась одна. Ещё раз осмотрела комнату, заглянула в бледно-жёлтую ванную, умылась, переделась в пижаму, включила ночник, выключила верхний свет, села на край кровати — всё это она делала автоматически. Она казалась себе героиней какого-то кино и как будто смотрела на себя со стороны. Вот девушка, высокая, худая, симпатичная, сидит на чужой кровати в чужой спальне... в чужом доме... нет, Замке! Разве это могло быть реальностью?

Наконец Джерелдин улеглась. Матрас удобный, пуховое одеяло толстое, подушки средней мягкости — всё как надо. При слабом свете ночника она уставилась на балдахин над головой. Подумать только, балдахин! Как на картинках. Это даже забавно. Вот они посмеются с Китти, когда она ей расскажет...

И в эту минуту Джерелдин наконец осознала. Поняла не разумом, а сердцем — она никогда ничего больше не расскажет Китти. Так вот что означает смерть — невозможность

поговорить с любимым человеком. И Джерелдин зарыдала в голос. Она подвывала, и мычала, и кусала подушку, и когда наконец уснула, совершенно обессиленная от нахлынувшего горя, лицо её было залито слезами.

Глава третья

Ей приснилось, что у её постели сидит Китти, смотрит ласково, качает головой, улыбается и говорит:

— Не бойся, я тебя не оставлю. Как ты могла подумать? Динни, я тебя никогда не брошу. А ты делай, что надо. Ты знаешь, что делать.

Сон был таким ярким, что Джерелдин, проснувшись, в первую секунду даже не поняла, почему Китти нет рядом. А потом к глазам вновь подступили слёзы. Наверное, она могла бы часами лежать так и тихо плакать.

Нет, она не может и не должна лежать часами! Китти не зря сказала в этом удивительном сне — Джерелдин знает, что делать. Конечно, знает. Ей срочно надо поговорить с полицией. Объяснить: Китти не из тех, кто может лишиться себя жизни... то есть была не из тех. И она совершенно точно не могла принять цианид по ошибке. Джерелдин должна убедить полицейских, что Китти убили.

У неё есть цель!

Часы на тумбочке (дорогие, массивные, с позолоченными ангелочками над циферблатом) показывали одиннадцать. Джерелдин забеспокоилась. Конечно, леди Вудвилл сказала, чтобы она отдыхала... но всё же нехорошо было так долго спать. Все в замке наверняка давно позавтракали и разошлись по своим делам. Где ей теперь найти хозяйку? Как по-

пасть в полицию? Разумеется, никакой Уилсон ей не нужен, она могла бы дойти до деревни пешком, она любила долгие прогулки, но нельзя же уйти из Замка тайком! К тому же — а вдруг ворота закрыты?

Джерелдин поспешно вылезла из постели и поёжилась: за ночь камин догорел, в комнате стало прохладно. Она открыла шторы. Окно выходило на небольшую берёзовую рощицу за рвом и конюшню, из которой какая-то девушка как раз вывела гнедую лошадь. Наверное, та самая племянница, подумала Джерелдин, но дальше наблюдать не решилась. Пора было торопиться.

Вчера, лихорадочно собирая сумку, Джерелдин додумалась взять чёрную блузку. С тёмно-синим кардиганом и синей юбкой это будет выглядеть более или менее прилично, хотя, конечно, полноценным трауром такую одежду не назовёшь. А есть ли у неё чёрные вещи? Неужели придётся ехать в Кромфилд за покупками?

Наконец Джерелдин вышла в коридор. Ночью она не разглядывала его пристально, теперь же увидела, какой он широкий и длинный. И полутёмный. Понятно, почему лорд Вудвилл недоволен отсутствием привидений — здесь для них подходящая обстановка. Даже странно, что Китти умерла не в таких декорациях, а в их мирном коттедже.

Джерелдин неуверенно направилась к лестнице, и тут ей повезло — навстречу шла молодая горничная в белом фарточке.

— О, мисс... вы ведь мисс Хорнби, да, новая гостья? Мне так жаль, что вашу тётю... что она умерла.

Джерелдин когда-то видела эту девушку в деревне. В её речи слышалась еле уловимая фамильярность. Или Джерелдин только показалось? Но горничная, конечно, знала, что новая гостья — всего лишь деревенская жительница.

— Леди Вудвилл не велела вас будить, но вы, наверное, хотели бы чаю? Я передам на кухню...

— Нет-нет, спасибо, я хотела бы... Где все? То есть... леди Вудвилл?

— Лорд и леди Вудвилл и их гости собрались в средней гостиной. Это на первом этаже, мисс Хорнби. Как спуститесь, справа.

В средней гостиной! Значит, есть и малая, и большая?

Горничная поспешила дальше по своим делам, оставив Джерелдин размышлять, обходились ли в Замке таким образом с каждым гостем или только с ней. Разве не должна была горничная проводить её? Или это нормально, что вновь прибывшего бросают одного посреди Замка?

Она почувствовала себя ужасно одинокой среди этих старинных каменных стен. Вот Китти не растерялась бы, не велела себя как маленькая глупая девочка, не стояла бы столбом, нервничая перед встречей с незнакомыми людьми в неведомой средней гостиной.

Джерелдин знала за собой эту неприятную черту — вдруг решить, что сделала что-то не так, засомневаться в себе, по-

терять всякую уверенность. Впрочем, ей обычно удавалось справляться с этим состоянием... особенно когда Китти была рядом.

Теперь некому подбодрить, утешить, сказать ласковое слово. Совсем одна.

Ну нет, рассердилась Джерелдин, надо быть храброй! Она помотала головой от досады на саму себя, глубоко вздохнула, сжала и разжала кулаки и отправилась на поиски нужной комнаты. Спустилась по лестнице, наугад открыла первую же дверь справа и вошла — как в воду прыгнула.

Это явно была та самая гостиная, потому что в ней сидело много людей. И все повернулись, чтобы посмотреть, кто вошёл. У Джерелдин пересохло во рту от волнения, но среди чужих лиц она увидела милое лицо леди Вудвилл и немного успокоилась.

Плотный старик с орлиным носом и кустистыми бровями встал навстречу Джерелдин, и она догадалась — это лорд Вудвилл.

— Мисс Хорнби, очень сочувствую вашей потере. Будьте в замке как дома, в такое время вам не стоит оставаться одной.

Леди Вудвилл принялась знакомить её с двумя старыми леди, но Джерелдин пропустила их имена мимо ушей, потому что её вниманием всецело завладел незнакомый мужчина. Он тоже встал при её появлении, и она осознала, что смотрит на него с интересом. Высокий, ей под стать — мало

кто из знакомых мог сравняться с её почти шестью футами. Джерелдин всегда стеснялась своего роста, но рядом с этим человеком можно не стесняться — он выше. Красивый. Эффектные тёмно-рыжие волосы. Небольшой шрам на брови, придающий лицу мужественность и загадочность.

Фанфары, подумала она. Фанфары! Не это ли имела в виду Китти, когда говорила — ты сразу поймёшь? Не то чтобы Джерелдин поняла... не то чтобы в её душе затрубили те самые фанфары... но она о них вспомнила и мысленно улыбнулась Китти.

Однако это усилило её растерянность.

— К нам как раз только что прибыл представитель Скотленд-Ярда, — сказала леди Вудвилл.

— Мисс Хорнби, я инспектор Редли, — заговорил мужчина. — Примите мои соболезнования. Рад, что вижу вас, нам надо поговорить.

Голос у него был приятный, тон сочувствующий, и Джерелдин взяла себя в руки. Он полицейский! Как удачно. Ей не надо идти в деревню, полиция уже здесь.

— Я очень хочу поговорить, — сказала она. — Вы должны знать, что Китти убили.

Красивый инспектор внимательно посмотрел ей в лицо, но не успел ничего ответить — вмешалась леди Вудвилл:

— Садитесь, дитя моё. Вы ведь не завтракали. Сейчас принесут чай, и вы с инспектором немножко подкрепитесь. Вам нужны силы, Джерелдин. Скажите, инспектор, нам луч-

ше оставить вас с мисс Хорнби наедине?

— Нет, пожалуйста, не надо, — запротестовала Джерелдин, почувствовав, что наедине с этим человеком она будет робеть. — Я хочу сказать, мне нечего скрывать... и вы так добры ко мне, леди Вудвилл, я нуждаюсь в вашей поддержке.

— Я не против, — сказал инспектор Редли.

И они все уселись у чайного стола.

Джерелдин украдкой оглядела гостиную. Просторная комната была обставлена старомодной мебелью, явно оставшейся от прежнего владельца. Если это средняя гостиная, то какова же большая!

Старая леди, одна из гостей, поймала взгляд Джерелдин и участливо ей улыбнулась, отчего девушка смутилась — она не запомнила имён двух сестёр. Они были похожи — невысокие, полные, большеглазые, очень милые... но как же их зовут? Вдруг придётся к ним обращаться?

— Как получилось, что Скотленд-Ярд заинтересовался этим делом, инспектор? — спросила безымянная гостья.

— Я был рядом, в Кромфилде, мисс Вордси.

Её зовут мисс Вордси! Джерелдин приободрилась.

— Расследовали убийство? — вступила вторая сестра.

— Нет, миссис Грэм, мошенничество со страховками.

Ага, это миссис Грэм. Теперь-то Джерелдин запомнит, как их зовут.

— Успешно?

— Да, мисс Вордси, весьма. Все преступники арестованы,

— улыбнулся инспектор. — И так как я освободился, меня направили сюда, помочь местной полиции.

Леди Вудвилл не дала говорить о деле, пока Джерелдин не выпила чашку чая и не съела тост с апельсиновым джемом. Это действительно придало ей сил, она перестала тушеваться и была готова к серьёзному разговору.

— Инспектор, пожалуйста, расскажите, что случилось. Я ведь до сих пор так и не знаю в точности, как Китти... что произошло с Китти.

— Вы готовы это услышать?

— Да, — дрогнувшим голосом ответила Джерелдин.

— Гости пришли к назначенному времени — к пяти часам. Кто-то чуть раньше, кто-то чуть позже. Чаепитие уже началось, когда мисс Нэш, ваша тётя Кэтрин, внезапно объявила, что хочет показать всем новое оформление альпийской горки.

— Да, Китти недавно украсила её камнями, которые мы принесли с реки. Там были чёрные, белые и один рыжий. Вышло очень симпатично.

— Несмотря на то, что все уже сидели за столом, мисс Нэш предложила выйти в сад и осмотреть горку.

— Миссис Маклин наверняка была недовольна таким нарушением порядка, — пробормотала Джерелдин.

— Возможно, но она вышла вместе со всеми. Гости ходили по саду — полюбовались на альпийскую горку, а потом разбрелись. Кто-то вернулся в дом, чтобы посетить ванную

комнату, кто-то любовался цветами. Люди не следили друг за другом. В какой-то момент мисс Нэш прошла в дом. Через несколько минут доктор Престон проследовал за ней... и нашёл её в гостиной у чайного стола — умирающей.

Джерелдин содрогнулась.

— Но что именно случилось? Леди Вудвилл сказала, там был цианид. В чём?

— Когда лаборатория даст ответ, мы будем знать точно, а пока предполагаем, что яд был в чае или в джеме. Там была маленькая баночка с домашним джемом, и судя по тому, что из руки мисс Нэш выпала ложка с остатками этого джема...

— Баночка с оранжевой крышкой? — вскричала Джерелдин.

— Да, но...

— Вот! Я же сказала, что Китти убили! Я же сказала, леди Вудвилл, помните, я же сразу сказала! В эти маленькие баночки Китти раскладывала джем из плодов шиповника. Она сама его варила. Такой оригинальный вкус, не каждому по душе... собственно, только она его любила и ела. Кто-то положил в этот джем цианид!

Джерелдин вся дрожала.

— А что, гости знали, что там джем из шиповника, который ест только мисс Нэш? — нахмурился инспектор Редли.

— Все, кто бывал у нас, знали. Ещё смеялись над тем, что Китти варит джем только для себя. Она всегда всем его предлагала, но никто не хотел. И я в том числе. Этот джем —

он слишком... неординарный. Все обычно едят апельсиновый или клубничный, а Китти любила из шиповника. Теперь вы видите, что её убили, инспектор? Видите?

— Почему вы думаете, что ваша тётя не могла сделать это сама, мисс Хорнби?

— Она ни за что в жизни не оставила бы меня одну, — твёрдо ответила Джерелдин.

— Но если предположить несчастный случай...

— Каким образом он мог бы произойти? Да, у нас хранится цианид, но мы держим его в сарае, на самой дальней полке. Ваши люди, должно быть, нашли его при обыске?

Инспектор задумчиво кивнул.

— Китти не страдала лунатизмом и была в здравом уме. Как можно случайно взять яд из сарая и случайно положить его в джем?

Три старые леди, внимательно следившие за разговором, синхронно покачали головами — никак, мол. Но лорд Вудвилл, до этого молчавший и, казалось, думавший о чём-то своём, неожиданно вмешался:

— А слуги? Слуги могли?

— У нас одна служанка, лорд Вудвилл, — Энни, и она три дня назад уехала к заболевшей сестре. Там некому сидеть с ребёнком, и Энни бросилась на помощь. Мы с Китти были вдвоём в доме.

Лорд Вудвилл вытянул губы трубочкой, словно удивляясь тому, что у людей может быть только одна служанка, но про-

молчал.

— А кто был на этом чаепитии, инспектор? — спросила Джерелдин. — Я ведь приняла лекарство и уснула до того, как гости начали собираться. Потом я их видела... но не всех. Леди Вудвилл сказала, что не было мистера Рокниша, это так?

— Да, его срочно вызвали на какую-то дальнюю ферму помочь корове, которая не могла отелиться. Он позвонил мисс Нэш и предупредил её, что не сможет прийти.

— Откуда это известно? — с подозрением спросила Джерелдин.

— Сам мистер Рокниш сказал, я с ним уже разговаривал, и все остальные гости подтвердили. Мисс Нэш успела им рассказать.

— Так значит, у мистера Рокниша есть алиби? — неожиданно вступила мисс Вордси.

— Нет, — медленно проговорила Джерелдин. — На самом деле, мне кажется, ни у кого нет алиби. Неважно, что во время чаепития все вышли в сад. Думаю, дело не в этом. Вчера... нет, уже позавчера... всё перепуталось в голове из-за этого лекарства... в общем, накануне чаепития я днём несколько часов провела на реке. Рисовала. Я люблю рисовать. Китти оставалась дома одна. Точно знаю, что она как минимум выходила за хлебом, — когда я вернулась, в доме был свежий хлеб. Но, возможно, она ещё куда-нибудь ходила. Любой мог бы прийти к нам в коттедж и быстренько по-

ложить яд в джем.

— У кого-то есть ключи от вашего дома, да?

— Мы не запираем двери, — вздохнула Джерелдин. — На ночь — да, но днём незачем. Не хочется возиться с ключами. И потом — мы же ничего не опасались. Ничего и никого. С какой стати?

Оба мужчины — и инспектор Редли, и лорд Вудвилл — смотрели на неё сердито, явно порицая за такое легкомыслие.

— Мы в нашей деревне тоже запираем двери только ночью, — негромко проговорила мисс Вордси.

— И мы в нашей тоже, — виновато прошептала миссис Грэм.

— Но, знаете, — продолжала Джерелдин, — могло ведь быть и по-другому. Китти находилась дома, а кто-нибудь пришёл. И... не знаю... отвлёк её внимание... подсыпал цианид...

— Вы тоже любите детективы, мисс Хорнби? — мягко спросил инспектор Редли, почему-то переглянувшись с миссис Грэм.

— Не очень, — простодушно призналась Джерелдин. — Там всё... не знаю, как лучше объяснить... слишком придумано. Я их почти и не читаю. А вы намекаете на то, что моя версия несостоятельна?

— Вообще-то я бы так не сказал. В то, что человек способен подсыпать яд в банку с джемом прямо при хозяйке, я

плохо верю, но если мисс Нэш выходила в магазин... вот тут у убийцы — гипотетического убийцы — и впрямь могла появиться возможность действовать, не так ли? При условии, что он знал о баночке с оранжевой крышкой. И о том, что дверь не заперта.

— О дверях у нас все знают, — пожала плечами Джерелдин. — Их никто не запирает днём, не только мы.

— Разве в вашей родной деревне не так, инспектор?

Интересно, откуда мисс Вордси знает, что инспектор из деревни?

Он только рукой махнул:

— Да, там то же самое. Хотя вообще-то это небезопасно. Но скажите, мисс Хорнби, если кто-то заходил к вашей тёте, пока вас не было, почему она не рассказала вам об этом?

— Не знаю... Забыла? Не придавала визиту значения? Если человек просто заглянул ненадолго... Обычно мы делились друг с другом всеми событиями дня, но она же могла просто забыть.

— Или скрыть нарочно, — предположила миссис Грэм.

— Нет! — вспыхнула Джерелдин. — Мы с Китти ничего друг от друга не скрывали!

— Допустим, все знали о незапертых дверях и баночке с неординарным джемом, — не торопясь рассуждал инспектор Редли. — А о том, что у вас в сарае на самой дальней полке хранится цианид, тоже почему-то все знали?

— О, но об этом не обязательно было знать! Его можно

взять где угодно. Я уже говорила леди Вудвилл — прошлым летом у нас тут было настоящее нашествие ос. Буквально — нашествие. Десятки гнёзд по всей деревне, можете себе представить? Все покупали цианид, чтобы бороться с осами. Должно быть, в каждом доме теперь есть запас цианида. Китти нарочно купила сразу несколько контейнеров, три или четыре... точное число не помню... на всякий случай.

— Безумие! Ведь это смертельный яд! Есть же другие, безопасные методы. Как вы все могли? Целая деревня запаслась ядом! — возмутился инспектор.

— Соседи говорили, что это испытанное средство, — потерянно пробормотала Джерелдин. — Теперь-то я понимаю...

— Инспектор, действительно многие покупают цианид для борьбы с осами, — вздохнула миссис Грэм. — Но ведь он свободно продаётся! Может быть, в этом проблема, и надо запретить его продажу?

— Да я-то с вами согласен!

— Хотя, должна сказать, ос он действительно убивает.

— Но и людей, миссис Грэм. И людей!

Джерелдин не могла больше это слушать и закрыла лицо руками. Все тут же замолчали. Через несколько минут она овладела собой.

— Наверное, вы хотели меня о чём-нибудь расспросить, инспектор Редли?

Она старалась, чтобы голос звучал как можно спокойнее.

— Да, мисс Хорнби. Прежде всего я хотел бы узнать, какой была ваша тётя.

— Да? Но зачем?

— Все, кто учил меня моей профессии, говорили, что очень важно узнать о погибшем человеке как можно больше. Узнаешь всё о жертве — найдёшь ключ к мотиву убийства.

— Жертва... Какое неприятное слово. Китти никогда не была жертвой. Китти всегда...

Джерелдин оглядела собравшихся. Все смотрели на неё, и внезапно она почувствовала, что ничуть не стесняется, а, наоборот, радуется, что может рассказать людям, никогда не знавшим Китти, о том, какой была её любимая тётя.

— Она была самым прекрасным человеком из всех, кого я знала и знаю! Без преувеличения. Не найдётся никого другого в мире, в ком бы сочеталось столько чудесных качеств. Очень красивая, очень умная, очень добрая. Да, всё очень! И очень честная.

— В каком смысле? — заинтересовалась миссис Грэм. — Говорила людям правду в лицо?

— Вы имеете в виду — не обидела ли она кого-то? Нет, для этого Китти была слишком доброй. Понимаете... она не стала бы говорить женщине, что, допустим, новая причёска её старит. Ну, это как пример. Китти всегда щадила чувства других людей и меня этому учила. Но во всех других случаях... Она просто не могла врать. Если её спрашивали прямо о чём-то, она прямо отвечала. Вот, скажем, Флоренс подарила

ей книгу Моэма «Разрисованная вуаль» и потом всё приста-
вала — ты прочитала, ты прочитала? А Китти не прочитала.
Она вообще не любит... не любила Моэма. И проще было бы
сказать — да, мол, прочитала. Или хотя бы — начала читать.
Но бедная Китти каждый раз честно отвечала — нет.

— Флоренс — это мисс Бродбери, подруга вашей тёти?
— уточнил инспектор Редли.

— Да, она самая.

— Вообще-то странный подарок, — задумчиво промол-
вила мисс Вордси. — Героиню в этой книге зовут Китти, как
и вашу тётю, и эта героиня... как бы сформулировать...

— Да, мисс Вордси! — воскликнула Джерелдин. — Вот
именно! Вы правильно понимаете, подарок и впрямь стран-
ный... или может показаться таким. Я-то как раз прочитала
эту книгу. Героиня там отвратительная. Но, с другой сторо-
ны, я не думаю, что Флоренс сделала это нарочно — купила
подарок с намёком. Намекать было не на что, Китти совсем
другая, совершенно не похожа на ту, в книжке. Просто Фло-
ренс любит Моэма, ей понравился роман, и она решила, так
сказать, приобщить Китти.

— Однако ведь это тоже обидно тому, кто дарит, когда
человек признаёт, что не пользуется подарком, — сказала
миссис Грэм. — А вы говорите, мисс Нэш щадила чувства
людей.

— Очень старалась щадить! Но когда спрашивали вот так
в лоб... впрочем, даже в таких случаях она пыталась уйти от

ответа — именно чтобы не обидеть. Но Флоренс... с ней такой номер не проходит. Она всегда хочет знать ответ. «Да или нет? Ты уже прочитала или нет?». Примерно так. Вцепляется мёртвой хваткой.

Тут Джерелдин спохватилась, что всё это выглядит сплетней, и испуганно замолчала.

— А как вышло, что вы жили с вашей тётёй, мисс Хорнби?
— спросил инспектор Редли.

— О, — сказала Джерелдин.
Наступила пауза.

— Вы не хотите об этом говорить?

— Нет, я бы хотела! Как раз эта история... невесёлая, замечу... очень хорошо покажет вам, какая она была — моя Китти. Просто я никогда... понимаете, никогда никому это не рассказывала. Но я хочу рассказать. Я расскажу. Леди Вудвилл, можно попросить ещё чаю? Мне... захотелось горячего.

Леди Вудвилл дёрнула специальную ленту, чтобы колокольчик в кухне зазвонил. Пока горничная ходила туда-сюда, заваривала чай и подавала печенье, Джерелдин внутренне готовилась пересказать чужим людям историю своей жизни. Их с Китти жизни.

И вот она отпила из чашки, взяла было печенье, но отложила — и начала.

— Наша семья была состоятельной. То есть — мой отец. У нас было большое поместье, огромный парк, много земли,

лес... У меня в детстве был свой пони! Понимаете, собственный пони! Я так его любила. Его звали Второй Мальчик.

— Значит, был и первый? — заинтересовалась мисс Вордси.

— Первого звали просто Мальчик, но он сломал ногу, и его увезли туда, где живут кони на пенсии.

Джерелдин поймала удивлённый взгляд инспектора Редли и поторопилась объяснить:

— Конечно, конечно, когда я выросла, я поняла, что его пристрелили. Но тогда мне сказали именно это — что есть специальная конюшня для коней-инвалидов. И я поверила, почему не поверить? Папа купил мне нового пони, мы называли его в честь Мальчика — Второй Мальчик.

— Какой он был масти? — спросила мисс Вордси и смутилась. — Простите, мисс Хорнби, я всегда хочу знать подробности, мелочи. Сама не знаю, зачем мне это надо. Я всю жизнь такая. Однако ведь не зря мистер Диккенс писал, что вся наша жизнь состоит из мелочей.

— Но я с радостью отвечу! Второй Мальчик был пегий. Такой красавец. Вообще моё раннее детство... это был настоящий рай. Родители обожали меня и друг друга, а я обожала их. Любовь, свобода, природа, книги... Да, я росла в раю.

Глава четвёртая

— Что же случилось? — мягко спросила мисс Вордси.

— Война.

— Великая война?

— Да.

— Но сколько же вам лет, Джерелдин? — изумилась леди

Вудвилл. — Я была уверена — вам не больше двадцати, а то и меньше.

— Мне двадцать шесть. Я знаю, что выгляжу моложе.

— Гораздо!

— Но я уже давно взрослая. Иногда мне это даже странно

— кажется, детство было только что.

— Так ваш отец воевал? — нетерпеливо спросил лорд Вудвилл.

— Мой отец... Ох, я не думала, что будет так трудно об этом говорить. Казалось бы — столько времени прошло... В общем, в семнадцатом году папа был под Ипром.

— О Господи, — прерывисто вздохнула миссис Грэм.

— Да. Вернулся он оттуда совсем другим человеком. Калекой. Сейчас мне стыдно об этом вспоминать, ведь я была уже достаточно большая, чтобы понять, что он тяжело болен... но тогда меня угнетало, что он лежит в своей спальне, кашляет и совершенно мной не интересуется, а мама сидит у его постели... и тоже мной не интересуется.

— Вы были ребёнком, — возразила мисс Вордси. — Вы и не могли осознать, что происходило.

— Это меня не утешает, — с горечью произнесла Джерелдин. — Ну, как бы там ни было, почти через год папа умер. Общий вздох пронёсся по средней гостиной.

— Что стало с поместьем? — деловито спросил лорд Вудвилл, не тратя время на соболезнования. — Только не говорите, что это майорат!

Джерелдин поразило, как быстро он догадался.

— Да, лорд Вудвилл, майорат.

Лица собеседников помрачнели. Все прекрасно понимали, что это значит.

— У папы был... собственно, и есть... брат. Так что наследовал именно он, а не мы с мамой. Дядя Лайонел. Он жил с женой в Канаде, я его и не видела никогда... И вот они приехали из Канады... из какой-то далёкой Канады!.. и стали хозяевами в нашем поместье.

— Но они же не выгнали вас с матерью?

— Нет, это не было как в романе Джейн Остен «Разум и чувствительность», — усмехнулась Джерелдин. — Не выгнали. Поместье большое, нам оставили наши спальни... но ведь всё вокруг уже было не наше, фактически даже эти спальни! Мы стали приживалками в собственном доме! Учитывая, что перед войной папа неудачно вложил почти все свои деньги и потерял их... Но дело не только в этом. Больше всего мама страдала из-за смерти папы. Она довольно равнодушно

отнеслась к потере дома, статуса, денег... к потере всего... но смерть мужа не пережила.

— Боже, неужели она тоже умерла? — прошептала мисс Вордси.

— Да, через три месяца. Просто однажды не проснулась. И я осталась одна.

— Бедное дитя!

— Так я тогда о себе и думала. Боюсь, я ужасно злилась на маму — как она могла бросить меня в сложной ситуации! Конечно, потом я поняла, что она не виновата, что она очень страдала... но сначала эгоистично возмущалась. Молча, разумеется.

— Дети всегда эгоистичны, это естественно, не правда ли? — успокаивающим тоном сказала леди Вудвилл. — И что же дальше — вы остались в поместье с дядей и тётёй?

— Мне некуда было деться. Так что — да, я осталась с дядей Лайонелом и тётёй Онорией... к сожалению.

— Они что — били вас? — с ужасом предположила миссис Грэм.

— Нет-нет, не до такой степени всё было плохо. И я не была несчастной Джейн Эйр. Хотя... в каком-то смысле... Понимаете, они не просто меня не любили — я им мешала. Была им не нужна. Я это чувствовала постоянно. Да и за что они могли бы меня любить? Вечно хмурая, заплаканная девочка... неудобный довесок к прекрасному поместью.

— Но они хорошо вас содержали?

— Если посмотреть со стороны — да. У меня имелась одежда. Не те чудесные платья, которые раньше покупала мне мама и в которых я ощущала себя принцессой... просто новая добротная одежда немарких цветов. Меня не морили голодом. Конечно, не готовили специально для меня мои любимые блюда, как раньше, и я стеснялась попросить что-нибудь вкусное между приёмами пищи... но я была сыта. У меня имелись книги — у нас в поместье очень хорошая библиотека... то есть теперь уже у них в поместье... Это была папина библиотека! Ну, неважно, я могла брать с полок любые книги, так что я часами сидела в библиотеке и читала, читала...

— Что же вы читали? — спросила мисс Вордси.

Видимо, привычка узнавать подробности не давала ей покоя.

— Это интересный вопрос, — усмехнулась Джерелдин. — Никто не следил за этим, и я читала всё подряд. В том числе то, что совершенно не предназначено для детей.

— Но хорошая литература никому не может повредить — ни в каком возрасте, — пробормотала мисс Вордси.

— С одной стороны, вы правы, а с другой... Многое я просто не поняла, будучи слишком маленькой. Например, Шекспир. Что ребёнок может понять в Шекспире? Поверите ли, я только в поздней юности осознала, что солилоквиий Гамлета вовсе не о том, что герой хочет спать. А тогда, в детстве, я решила именно так — Гамлет думает, не опасно ли ему лечь

спать, вдруг его убьют. Что творилось у меня в голове!

Все поневоле улыбнулись.

— Но были и любимые книги. Мне было года четыре, когда мама впервые прочитала мне «Элис в Чудесной стране» и «Сквозь зеркало», и с тех пор я перечитывала их сто раз. Ещё в детстве начала рисовать к ним иллюстрации... и сейчас рисую. Вообще я в то одинокое время много рисовала. Тогда я ещё могла использовать краски. Позже, в подростковом возрасте, у меня начались мигрени, и запах краски иногда становился причиной приступа. Сейчас я рисую только карандашами.

Джерелдин помолчала. Ей ясно вспомнились эти бесконечные дни, пыльная библиотека, чувство полного одиночества, капающие на страницы книг слёзы... В библиотеке стояло большое кожаное кресло, очень удобное, но Джерелдин не сидела в нём, она пряталась в укромном уголке за креслом, где никто не мог найти её. Сидела там на полу и плакала — из-за того, что мама больше любила мужа, чем ребёнка, из-за воспоминаний о прежней райской жизни, из-за нежелания признать, что та жизнь никогда не вернётся...

— Многие сказали бы — неблагодарная девчонка, ей всё не так, — продолжила она. — Но, понимаете, никому не было до меня дела. Я просто жила с ними рядом, ела, спала... но никто ни разу не поинтересовался, что я читаю, о чём думаю, что люблю, а что не люблю. Я была предоставлена самой себе. Тихо, как мышь, читала в библиотеке... или гуляла

по парку, воображая, что всё как раньше и папа и мама живы... Мне было девять лет! И никто, никто меня не любил!

— Почему вас не забрали бабушка с дедушкой?

— И папины, и мамины родители умерли рано. У меня не было бабушек и дедушек.

Вот почему ей понравились эти милые старые леди, сидящие за чайным столом и вззирающие на неё с теплотой и сочувствием.

— А Второй Мальчик? Хоть он-то у вас остался?

— Они его продали, — мрачно ответила Джерелдин.

Милый маленький пони: кроткие глаза, густая грива... С тех пор, как Джерелдин с ним рассталась, она ничего не знала о его судьбе.

— Да как же так! — возмутился лорд Вудвилл. — Мисс Хорнби, у меня здесь отличные лошади, приглашаю вас пользоваться конюшней как своей!

— Благодарю, лорд Вудвилл, но я сейчас не хотела бы... понимаете...

— Что вы, не стесняйтесь!

— Хьюго, не настаивай, ты же видишь, девочке не до того, — вмешалась леди Вудвилл. — Но продолжайте, Джерелдин!

— Ну... Всё, о чём я говорила, — это было не так и страшно... пока тётя Онория не оказалась в положении.

— Что изменилось?

— Они стали обращать на меня внимание! Но не в том

смысле, в каком мне хотелось бы. Теперь, когда они ждали ребёнка... и, конечно, мечтали, что это будет мальчик, наследник... так вот, теперь чужой ребёнок был им совсем не нужен.

— Но ведь для дяди Лайонела вы родная племянница! Плоть и кровь его брата!

— Дядя с папой не были близки, и меня он не знал, пока не приехал из Канады. Я была лишней... вечной помехой... Однажды я услышала, как они с тётей Онорией обсуждают ситуацию, говорят, что надо отправить меня в школу-интернат. Я пришла в ужас! Умоляла их не делать этого, рыдала, обещала, что буду помогать с братиком... А я и вправду очень ждала этого малыша. Думала, он станет моим утешением, мы с ним подружимся... Глупо, конечно. Никто не дал бы нам подружиться. И будущее это подтвердило.

— Что произошло?

— Когда мальчик родился... это действительно мальчик, им повезло... тётя Онория первый месяц занималась им сама. Няньку, разумеется, взяли, но она вечно оказывалась на подхвате, тётя всё хотела делать одна. Потом, месяца через два, она немножко успокоилась. Я не часто видела Уолли, но мне так хотелось понынчить его! Однажды я бродила в парке и увидела, что няня возит Уолли в коляске по дорожке. Я подошла, наклонилась над коляской — полюбоваться малышом... у него было такое милое личико, мне показалось, он улыбнулся в ответ на мою улыбку! В этот момент появи-

лась тётя Онория, и началось какое-то безумие. Она кричала, чтобы я не подходила к ним... к её ребёнку, что я желаю ему зла... А я ведь даже не дотронулась до него, и няня это видела, она пыталась утихомирить тётю, но всё было бесполезно. В этот день меня впервые наказали — не сильно, просто лишили сладкого, но я поняла, что теперь меня точно отправят в школу.

— Вы боялись школы?

— Я не хотела уезжать. Ну, да... вообще-то боялась, — её голос дрогнул. — Представьте тихую домашнюю девочку, которая всё время мечтает, живёт в своём книжном мире... каково ей будет оказаться в интернате, в чужих стенах, среди других девочек — наверняка более бойких, а то и нахальных?

Джерелдин заметила, что инспектор Редли нахмурился, и заторопилась:

— Простите, пожалуйста, я слишком увлеклась описанием собственных несчастий! Все эти подробности вряд ли имеют значение...

— Никогда не знаешь, что имеет значение для расследования, — ответил инспектор. — Прошу вас, продолжайте.

Может быть, он хмурился от того, что соперечивал её рассказу?

— Хорошо. И вы сейчас поймёте, что моя история напрямую касается вашего вопроса о том, каким человеком была Китти. Я как раз собиралась к этому перейти. Китти мне —

двоюродная тётя, моя бабушка и её мама были сёстрами. Не очень близкое родство, не так ли, да мы и виделись нечасто, разве что на похоронах кого-то из семьи. Пока со мной всё это происходило, мама Китти тяжело болела, потом умерла. Китти осталась одна... и подумала о том, что где-то там живёт её маленькая родственница, тоже одна. Она написала дяде Лайонелу — спросить, как у меня дела. Я так и не узнала, что он ей ответил, она не хотела говорить, но, видимо, написал, что я капризная, избалованная... Китти не поверила и явилась в поместье лично — посмотреть своими глазами.

— И она увидела, как всё было на самом деле?

— Да. Увидела запуганного, одинокого ребёнка. Тут и проявилась её невероятная доброта. Китти тогда был двадцать один год. Время для развлечений, путешествий, вечеринок... ну, по крайней мере, так многие считают, верно? А Китти решила, что посвятит свою молодость маленькой племяннице, которую и не знала толком. Она захотела спасти меня! Предложила дяде Лайонелу, чтобы он назначил мне небольшое содержание и отдал меня ей — сюда, в Ларч-Бридж, где она жила всю жизнь.

— Это действительно благородный поступок! — восхитилась леди Вудвилл.

— Не правда ли? Вот об этом я и говорю! Дядя-то согласился с радостью. Он был счастлив от меня избавиться. И от Китти тоже — они виделись от силы несколько раз в жизни, ещё до Канады, совершенно не знали друг друга, а тут вдруг

эта девица приезжает, требует отчёта о том, как обращаются с её племянницей... Дядя не мешкал — настолько, что всё было готово за два дня, и из поместья Китти уехала уже со мной. И больше мы никогда не расставались.

— Здесь, в Ларч-Бридже, вы словно опять оказались в раю, да? — спросила мисс Вордси.

— Вы очень точно это выразили! Папу с мамой было уже не вернуть, но у меня снова началась спокойная жизнь. Да, коттедж небольшой, сад тоже, не сравнить с нашим... с нашим бывшим поместьем, но я сразу привыкла. Мне всё понравилось. Ларч-Бридж стал моим домом. Потому что меня любили! Китти любит... то есть любила меня, как... ну, в дочери я ей по возрасту не подходила... как сестру. И я полюбила её безумно. У нас были свои словечки, шутки... Например, она придумала песенку: «Колокольчик дин-дин-дин, это наша Джерелдин. Рядом с нею — посмотрите, кто же рядом? Наша Китти». С тех пор мы называли друг друга Динни и Китти. Мне вообще-то не нравится, когда моё имя сокращают... никаких «Джерри»... но «Динни» в устах Китти звучало так мило! Я нарисовала котёнка с колокольчиком на шее — это как будто были мы с Китти, она повесила эту картинку у себя в спальне.

— Я видел, — сказал инспектор Редли.

Джерелдин вздрогнула.

— О... Да, вы же были у нас дома...

Она сникла. Полиция у них в спальнях, обыск... Её личное

пространство, её вещи, книги, рисунки... Не рылись же они в её белье? Не лично же инспектор Редли это делал?

И Китти больше нет!

Возбуждение прошло, она вспомнила, почему сидит в этой гостиной и рассказывает о своей жизни людям, которых ещё вчера не знала.

Но это необходимо.

— А что с содержанием, которое ваш дядя обязался выплачивать? — спросил инспектор. — Он сдержал обещание?

— Да, платил до моего совершеннолетия. Но, знаете, Китти почти ничего из этих денег не тратила. Она откладывала их для меня.

— Это тоже весьма благородно.

— Я же говорю, Китти — лучший... была лучшим человеком на свете!

— И что же, вы больше не виделись с вашими дядей и тётёй?

— Они не изъявляли желания, мы с Китти тоже. Так что не виделись. А интересно было бы посмотреть на Уолли! Сейчас он, конечно, уже Уолтер, взрослый юноша... Я и не узнаю его, если встречу. Но я не встречу. Не собираюсь звать их на похороны. Позже, конечно, напишу им... но не сейчас. Не хочу.

Лорд Вудвилл неожиданно щёлкнул пальцами.

— Вспомнил! Всё думал, где же я слышал это имя. Лайонел Хорнби! Вы из хэмпширских Хорнби, не так ли?

— Да...

— Когда-то меня в клубе с ним познакомили, с вашим дядей. В Лондоне. Лет десять назад. Или восемь? Или даже шесть? Ладно, неважно. Лайонел Хорнби, ну как же! Обедали вместе.

— И каким человеком он тебе показался, Хьюго? — заинтересовалась леди Вудвилл.

— Показался нормальным парнем. Весьма здраво рассуждал о разных банковских операциях. Хотя... хм... я же тогда не знал... Лайонел Хорнби, ну надо же, это и был ваш дядя!

Лорд Вудвилл цокал языком и удивлялся тому, как тесен мир, а инспектор Редли осторожно продолжил расспросы:

— С вашего позволения, вернёмся к мисс Нэш. Судя по всему, мисс Хорнби, ваша тётя была замечательно добрым человеком. Но если вы правы и её действительно убили — значит, кому-то она всё-таки мешала. Чем? Своей добротой? Чем-то ещё? Есть в деревне люди, которые не любили вашу тётю?

— Её все любили... Но я понимаю, о чём вы говорите. Конечно, один человек должен был ненавидеть Китти, раз ему пришлось пойти на убийство.

— Вы сказали — ему?

— Условно. Ведь убить могла и женщина, правда? Кстати, женщины её... нет, не ненавидели, это слишком сильно сказано, но меньше любили, чем мужчины.

— Почему?

— Она была очень красивой.

Леди Вудвилл и её гости понимающе закивали головами.

— Меньше любили, но не показывали это? — уточнил инспектор.

— Старались не показывать. Вот, скажем, мисс Кларк... Джерелдин осеклась.

— Получается, я сплетничаю...

— Нет, мисс Хорнби, вы рассказываете о жизни вашей тёти и этим помогаете расследованию, — твёрдо сказал инспектор.

— Ну, если так...

Она помолчала, подбирая слова.

— Дело не только в мисс Кларк. Понимаете, инспектор, года полтора назад у нас в деревне появились два новых человека. Так совпало, что почти одновременно сменился доктор, а местный ветеринар нанял нового помощника.

— Это вы о докторе Престоне и мистере Рокнише?

— Да, именно о них. Они оба холосты, и наши незамужние женщины... я не хочу говорить плохо... На самом деле ведь вполне естественно, что женщины интересуются холостяками, не так ли?

— Мисс Хорнби, вы хотите сказать — некоторые жительницы деревни Ларч-Бридж захотели выйти замуж за доктора или ветеринара?

— По крайней мере, похоже на то. Но дело в том, что оба они начали ухаживать за Китти — и доктор Престон, и ми-

стер Рокниш.

— Вот как? — неожиданно резко вступила леди Вудвилл. Лорд Вудвилл бросил на неё быстрый взгляд.

— Да, и для многих это стало очевидно. Поэтому я и сказала, что женщины не очень любили Китти. Не все, конечно, — я имею в виду тех, кто ревновал к ней доктора Престона и мистера Рокниша. Взять ту же мисс Кларк — я уверена, что она явилась на это злосчастное чаепитие только ради доктора Престона. Боже, посмотрите, я всё-таки сплетничаю!

— А как ваша тётя относилась к их ухаживаниям? — инспектор Редли перебил Джерелдин, не обращая внимания на её смущение.

— По большому счёту — никак. Ей льстило их внимание, было приятно, что эти видные мужчины увлеклись ею на виду у всей деревни, но не более того.

— Должно быть, её равнодушие подхлестывало их интерес? — спросила мисс Вордси. — Обычно так и бывает. А они осознавали, что соперничают?

— Разумеется. Но оставались при этом в приятельских отношениях. Даже если спорили о чём-то.

— Кто наследует вашей тёте, мисс Хорнби?
Джерелдин вздохнула.

— Я. Ну, то есть я так думаю. Когда-то Китти говорила, что оформила завещание, в котором всё отписала мне. Это делает меня главной подозреваемой, да?

— Пока мы ещё никого конкретно не подозреваем, — ди-

пломатично ответил инспектор. — А что входит в это «всё»?

— Наш коттедж и небольшой капитал, который был у Китти. Точно не знаю. Я и не узнавала никогда, мне было незачем... и предположить не могла, что...

Джерелдин внезапно почувствовала огромную усталость от всего этого разговора, во время которого она была в центре внимания. Так непривычно. И так тяжело. Ей захотелось уединиться и дать волю своему горю.

— Инспектор, возможно, на сегодня мисс Хорнби достаточно? — леди Вудвилл заметила, как Джерелдин прикрыла глаза.

— Мы почти закончили, но осталось ещё несколько вопросов. Буквально два-три. Мисс Хорнби, кто ваш поверенный?

— Мой поверенный? У меня нет... А, вы имеете в виду — наш с Китти, да? Наверное, мистер Брикс из Кромфилда. Был им раньше, по крайней мере. Не знаю, остался ли до сих пор. Такими вопросами ведала Китти.

— И ещё — мисс Хорнби, у вас ведь имеется адрес вашей служанки Энн? То есть её сестры. Куда она уехала?

— Понятия не имею, — растерялась Джерелдин. — Всеми хозяйственными делами всегда занималась Китти. В деревне могут знать... Энни наверняка с кем-нибудь дружит... Вы хотите и с ней поговорить?

— Обязательно. Она могла что-то услышать, увидеть, почувствовать какую-нибудь странность. А вы, мисс Хорнби,

ничего странного в последнее время не заметили?

— Странного — в чём?

— В поведении вашей тёти. Или других людей. Может быть, что-то необычное произошло в деревне? Что-то, не вписывающееся в обычный ход событий?

Джерелдин честно обдумала этот вопрос.

— Нет, инспектор, всё было как всегда. Ничего странного или нового я не припомню.

— И в день чаепития?

— И в день чаепития.

— Может быть, в то утро мисс Нэш что-нибудь сказала... на что-то намекнула...

— Увы, ничего такого не было.

— Вы и ваша тётя общались с кем-нибудь вне деревни?

— Нет, вся наша жизнь проходит... проходила в Ларч-Бридже.

— Никаких дальних родственников, друзей, знакомых из других мест?

— Из родственников у нас только дядя Лайонел с семьёй, а все друзья и знакомые — здесь. Инспектор Редли... могу ли я...

Джерелдин запнулась, но всё же решилась спросить:

— Могу ли я побывать в нашем коттедже? Вы его заперли, опечатали? Или там ещё идёт обыск? Мне бы хотелось... Я ночью собиралась в такой спешке, не всё взяла, что надо... Не знаю, хочу ли я увидеть гостиную, где умерла Китти... однако

в любом случае когда-то придётся это сделать, не правда ли?

— Я вызывал из Кромфилда дополнительную бригаду криминалистов. Они ещё работали, когда я уходил оттуда. Можно позвонить и узнать. Леди Вудвилл, если вы подскажите, где телефон...

Леди Вудвилл вызвала служанку и велела ей проводить инспектора к телефону. Когда он вышел, все заговорили одновременно:

— Мисс Хорнби, какое тяжёлое испытание для вас — разговор с полицейским!

— Инспектор Редли весьма тактичен, верно?

— Вы замечательно держались, мисс Хорнби!

— Не хотите ли ещё чаю? Вы ведь так и не поели!

Джерелдин переводила взгляд с одного старого лица на другое. Она не ожидала встретить в Замке столько тепла и участия, и ком встал в горле при мысли о том, что кто-то заботится о ней в её горестном одиночестве.

— Я вам всем очень благодарна, — прошептала она, стараясь не заплакать.

— Дитя моё, а как вы предполагаете попасть в свой коттедж? — озабоченно спросила леди Вудвилл.

— Пешком. Здесь не так и далеко.

— Думаю, лучше, если вас отвезёт Уилсон. Вряд ли вы хотите сейчас беседовать с каждым жителем деревни. А всем наверняка очень любопытно узнать от вас какие-нибудь подробности.

— Роуз, дорогая, как хорошо, что ты об этом подумала!

— воскликнула мисс Вордси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.